

Высшая мифология славян в трудах А.Н.Афанасьева

Существуют четыре точки зрения относительно сущности мифологии: 1) «мифологическая теория», сторонники которой видели в мифах олицетворённое описание и объяснение явлений природы, преимущественно небесных; 2) «эвгемерическая», согласно которой мифологические персонажи – это реальные люди, предки, а мифы – приукрашенные фантазией рассказы об их подвигах (Г.Спенсер); 3) «биологическая», рассматривавшая мифологию как фантастическое порождение подавленных подсознательных сексуальных влечений человека (З.Фрейд, фрейдисты); 4) «социологическая теория», понимающая мифы как непосредственное выражение связи первобытного общества с окружающим миром (Л.Леви-Брюль, Б.Малиновский).¹

Не будет преувеличением сказать, что русская «мифологическая школа» сыграла значительную роль в изучении «теории мифологии». Основоположником этой школы считается крупнейший учёный, профессор Московского университета Ф.И.Буслаев. А теоретическим осмыслением язычества (выведенным из мифологии религии) занимались как раз представители «мифологического» направления: такие крупные учёные, как А.Н.Афанасьев, И.И.Срезневский, А.А.Потебня. Для этих авторов особенно важно раскрытие истоков духовной культуры нашего народа.

Итак, в русле данной школы как раз и были созданы знаменитые труды Александра Николаевича Афанасьева. Однако он привнёс огромное количество своих теоретических и практических выводов, оригинальных для своего времени.

Своё знаменитое исследование «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н.Афанасьев начинает словами: «Богатый и, можно сказать, единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое...»² Это, по сути, один из основных постулатов его научных и философских взглядов.

Небезынтересны рассуждения А.Н.Афанасьева о сущности славянской мифологии, его попытки чётко отграничить то, что было до принятия христианства, и то, что стало после. В частности, он отмечает следующее: «Теперь мы должны обратить внимание на те немногие места памятников, в которых учёные наши, под влиянием христианских воззрений, думают видеть свидетельство, что, рядом с поклонением божествам стихийным, славяне веровали в единого верховного Бога и что в этом веровании высказывается тёмное сознание о едином истинном Творце вселенной. Мнение это, в подтверждение которого ссылаются на Прокопия, Гельмольда и договоры первых русских князей с греками, не может быть принято наукою. Славяне, конечно, не могли составлять в данном случае странного исключения из общей семьи родственных им индоевропейских народов».³

Итак, А.Н.Афанасьев отвергает утверждение тех, кто допускает существование монотеизма у древних славян. С другой стороны, образ *владыки грозы* чрезмерно романтизируется в его трудах и занимает неоправданно большое место. Это противоречит его же собственным положениям: «Единый владыка грозы раздробился на богов грома и молнии (Перун), огня (Сварожич),

воды (Морской царь) и ветров (Стрибог). Вместе с низведением мифических представлений и сказаний о небесном пламени молний наземной огонь, о дождевых потоках на земные источники, само собой возникло обожание домашнего очага, рек, озёр и студенцов».⁴

Творческое дело жизни – это то, что, по мнению А.Н.Афанасьева, подвигло различные народы на создание мифологий. Данная точка зрения в исследовании философских аспектов мифологии остаётся актуальной до сих пор. «В таких образах поклонялся славянин всесозидающим силам природы, который для живого существа суть благо, добро и красота. Человеку естественно чувствовать привязанность к жизни и страх к смерти. Обоотворив, как благое, всё связанное с плодородием, развитием, он должен был инстинктивно, с тревожною боязнию отступить от всего, что казалось ему противным творческому делу жизни».⁵

Теперь следует понять, как А.Н.Афанасьев разбирает образы основных богов славянской мифологии. Нельзя не отметить колоссальную скрупулезность учёного в изучении источников. Особенно интересны его сопоставления славянских мифологических персонажей с персонажами других индоевропейских мифологий. Действительно, А.Н.Афанасьев был один из первых, кто доказал целесообразность и правомерность общеиндоевропейского подхода к мифологии. Сравнительная индоевропеистика – «конёк» всех «мифологов».

Особенно колоритно и полно разбирает А.Н.Афанасьев образ громовержца и солярные божества, т.е. те божества, которые непосредственно связаны с природой.

Перун. Вот наблюдения А.Н.Афанасьева: «В чешских глоссах “*Mater verborum*” (1202г.) слово *Perun* истолковано *Jupiter*; в древнеславянском переводе греческого сказания об Александре Македонском имя Зевса переведено Перуном; в апокрифической беседе трёх святителей читаем: «отчего громь сотворень бысть? Василий рече: два ангела громная есть: елленский старец Перунь и Хорсь жидовинь – два еста ангела молніина». Сверх того именем Перуна обозначалось небо, как царство громоносных, дождевых облаков. Так в одной рукописи Погодинского древлехранилища, принадлежащей XV веку, на вопрос: «колико есть небесь?» встречаем такой ответ: «перуны есть много». В Малороссии рассказывают, что Бог восседает на том небе, где блистают молнии. Обращаясь от старинных памятников к свидетельством живого языка, находим, что в польском языке *piorun* доселе употребляется в смысле молнии и громового удара (сравни рус. выражение: «метать перуны»), *piorunek* ‘громовая стрелка’ – то же, что у истрийских хорватов *переница*, в Курляндии *Perkuhnstein*, *Perkuhnakmens*; у словаковъ *perun* ‘гром’, а молнию они называют Ларомовой стрелой. Старинная русская поговорка *идет божок с перищемъ, стучит колесом* намекает на бога-громовника; грохотом его колесницы арийские племена объясняли себе громозвучные раскаты грозы. Идёт он вооруженный перищемъ – страшным орудием, с помощью которого наносит стремительные, всераздробляющие удары: *прати* ‘стремиться, теснить, разить, побивать’; белорус. *праць няру* ‘колотить’».⁶ «На Руси существовало предание, будто из камня, который держал в руке идол Перуна, вылетали во время грозы огненные искры».⁷

А.Н.Афанасьев писал о том, что страшные удары молнии, несущей убийства и пожары, грохот грома и вой бури во время грозы заставили сблизить молнию с копьём, стрелой и

другим оружием, известным в древности.⁸ «От слова *гроза* образованы такие производные формы, как *грозный*, *грозить*. В Ржевском уезде поэтому, по свидетельству русских этнографов, говорили *схвати тебя перуном* в смысле 'да постигнет тебя болезнь, припадок'».⁹

Бесспорной заслугой А.Н.Афанасьева является то, что он один из первых стал рассматривать в комплексе мифологический, фольклорный, этнографический и лингвистический материал. На примере образа Перуна мы это видим в полном объёме.

«Сварог, как олицетворение неба, то озарённого солнечными лучами, то покрытого тучами и блистающего молниями, признавался отцом солнца и огня». Таково мнение А.Н.Афанасьева. Во мраке туч он возжигал пламя молний, и таким образом являлся творцом небесного огня; земной же огонь, по древнему преданию, был божественный дар, низведённый на землю в виде молнии; отсюда понятно, почему славянин молился огню, как сыну Сварога. Далее: разбивая громовыми стрелами тучи, Сварог выводил из-за них ясное солнце, или выражаясь метафорическим языком древности: возжигал светильник солнца, погашенный демонами тьмы; это картинное, поэтическое представление прилагалось и к утреннему солнцу, выходящему из-за чёрных покровов ночи, так как ночной мрак постоянно отождествлялся с потемняющими небо тучами. С восходом солнца, с возжегшем его светильника, соединялась мысль о его возрождении и потому Сварог есть божество, дающее жизнь Солнцу = рождающее Дажьбога. Тесная связь, в какую поставил язык понятия небесного света и земного огня, выразилась в мифе о родстве этих стихий. Небо имело двух детей: Солнце и Огонь. По свидетельству Ипатьевской летописи, указанному впервые Шафариком, у Сварога (неба) был сын Дажьбог (солнце); а в слове христороубца сказано: «и огневи молятся, зовут его Сварожичем». Эта отечественная Форма указывает, что Огонь был также принимаем за сына Сварога».¹⁰

Дажьбог. Рассматривая данный образ, А.Н.Афанасьев уже более подробно интересуется вопросом рождения новых богов. «В Ипатьевской летописи находим вставку из греческой хроники Малалы, где Гелиос переводится Дажьбогом: «И после Сварога царствова сынъ его именемъ Солнце, его же наричють Дажьбогъ... Солнце-царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ, бъ бо мужь силенъ». Дажьбог, упоминаемый Нестором, «Словом о полку» и другими памятниками в числе славянских богов, есть следовательно солнце, сын неба, подобно тому, как Аполлон почитался сыном Зевса; сербская песня называет солнце – чадом божьим. Слово *дажь* есть прилагательное от *дагъ* (готск. *dags*, немец. *tag*, санскр. *ahan* вместо *dahan*) – день, свет, родственного с санскр. корнем *dah* 'жечь' и литовск. глаголом *degu* 'горю'). Другой сын Сварога-неба был огонь-молния (Агни-Индра), о которомъ выражается неизвестный христороубец: «и огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ. На новых богов, рождённых отцом-небом, переносятся его различные атрибуты и признаки; вместе с этим им присвоается и владычество над Миром; Сварог, по древнему сказанию, предаётся покою, предоставляя творчество и управление вселенной своим детям. Обожание солнца славянами засвидетельствовано многими преданиями и памятниками. Кирилл Туровский, прославляя старинный переводчик хроники Малалы поясняет имя Гефеста ("Ἡφαιστός) – Сварогом, а Гелиоса ("Ἥλιος) – Дажьбогом; самый перевод относят к X веку, когда языческие верования были ещё живы. Согласно с этим, «Слово о полку» называет русичей

внуками Дажьбога (солнца): «погибашеть жизнь Дажьбожа внука», «встала обида в силах Дажьбожа внука».¹¹

Рассматривая образы Сварога и Дажьбога, А.Н.Афанасьев чётко разобрал «солярную тематику» славянских мифов.

Стрибог. «Бог грозы как небесный владыка, являющийся в бурях и вихрях, получил у славян название *Стрибога*, которое впоследствии, по общему закону развития мифов, выделилось в особое божество, верховного царя ветров. Слово о полку говорит о Стрибоге, как о деде ветровъ: «се ветры, *Стрибожи внуци*, веют с моря стрелами (=из дождевой тучи молниями). Слово *стри-* означает: воздух, поветрие. Другие названия, даваемые славянами богу ветров, были *Rogoda* и *Pochwist*. Имя Стрибога уцелело в нескольких географических названиях: *Стрибоже озеро*».¹²

Здесь А.Н.Афанасьев пытается выйти на уровень исследования связи топонимии и мифологии. Для его времени это было смелое «научное решение».

Информации по Хорсу, Велесу, Мокоши в книгах А.Н.Афанасьеву незначительно.

Хорс. «Слово о полку» замечает о князе Всеславе, что у него вещая душа была в теле, что он «въ ночь вльком рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ (= до петухов) Тматороканя, великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше». По мнению А.Н.Афанасьева, это означает, что Всеслав достигал Тмутаракань до рассвета, предупреждая восход Солнца.¹³ Для того времени данная трактовка была весьма необычна.

Велес. Здесь А.Н.Афанасьев показал себя как весьма наблюдательный этнограф-славист. «В словацкой песне (колядке) слово *велес* прямо употребляется в значении 'пастух': «Пасли овцы велесы при бетлемском салаше...».¹⁴ Одно это наблюдение чётко прояснило функции бога Велеса.

Относительно Мокоши как мифологического персонажа у А.Н.Афанасьева информации нет. Однако, *богиня-пряха* упоминается. «По старорусскому поверью, кто во время Рождества увидит веретена, тому грозит летом частая встреча со змеями. Богине-пряхе приносили в дар кусок ткани... Недаром любимое занятие кикимор, родившихся от связи демонического змея и облачных дев – прясть и шить».¹⁵

В конце нашей статьи отметим: то, что сделал А.Н.Афанасьев для изучения славянской мифологии, а значит и всей духовной культуры наших предков переоценить трудно. Хотя некоторые его выводы кажутся сейчас несколько наивными, для XIX века его труды были колоссальным шагом вперёд. Более того, именно энтузиазм А.Н.Афанасьева сделал возможным развитие мифологической науки в нашей стране в XX веке.

¹ Подробнее о различных точках зрения на происхождение мифологии см. Мифы народов мира: энциклопедия в 2-х томах. – М., 1994. – Т.1 – С.16–20.

² Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х томах. – М., 1994. – Т.1. С.5.

³ Там же. С.131.

⁴ Там же. С.320.

⁵ Там же. С.320.

⁶ Там же. С.250.

⁷ Там же. Т.III. С.783.

⁸ Там же. Т.I. С.258.

⁹ Там же. С.257.

¹⁰ Там же. С.131.

¹¹ Там же. С.65.

¹² Там же. С.320.

¹³ Там же. Т.III, С.538.

¹⁴ Афанасьев А.Н. Рецензия на кн.: История России с древнейших времён. Соч. С.Соловьёва. – М., 1851 – Т.1. // Современник. Т.35. 1852. №10. Отд.3. С.25.

¹⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян... Т. III. С.132, 136.